

К Р У Г И

ГЛАВЫ ИЗ ПОЭМЫ

ОТ АВТОРА

Видимо, натурой – «интимный лирик», смладу испытывал я род идиосинкразии к стихопублицистике и вообще лирике «гражданской», а также к жанрам эпическим. А если и пробовал писать нечто, что называл поэмами, относился и к этому, как к лирике сугубо личной. Но годы идут, и правы, пожалуй, древние латиняне, сказавшие: меняются времена, и мы меняемся вместе с ними. И вот на пике стагнации, к середине 1980-х, – вдруг приключился первый позыв: потянуло разобраться с истоками, с временем, откуда я родом, пресловутыми «шестидесятыми». Стало рождаться – и быстро – что-то вроде личного «лиро-эпоса», и уже забрезжила финальная строка.

И тут – грохнула «перестройка», и окостеневшее, казалось, навек время переломилось, закрутилось; летуче промелькнула «обновленческая» эйфория, и с тех пор «новый хаос» – наша жизнь. Оборвавшийся опус лег в стол и был забыт на десятилетие. И лишь перед самым концом века, когда растянувшийся апокалипсис стал уже как бы обыденностью, чем-то вроде новейшего «застоя» (оказывается, и падать в пропасть можно «стабильно», в некоем бесконечном рапиде), – стал я порой вытаскивать и заново перечитывать пожухлые листики. Конечно, сроки вышли, разборка моя с годами юности безнадежно запоздала (фатально «опаздывать – и по «мелочам», и «по-крупному», даже в делах сугубо житейских, – видимо, написано мне на роду). «Шестидесятые» и «шестидесятники» уже давно всепрессно обсуждены, припечатаны и приговорены. А для нужд ностальгии есть уже и «классика». Кому – книга Вайля-Гениса, кому – эссе М. Веллера, а кому – любые годы мерить лимоновской «Великой эпохой»...

Но вот какая штука.

Десяток, и даже сотня имен, а тем более те, что уже одиозны, уже знаки, символы шестидесятничества, на самом деле – вовсе не суть поколения. Не все оно, в массе. И даже не главный его срез. Может, это вообще – лишь яркая пена, былые «брызги шампанского». Еще живут в России тьмы и тьмы стареющих рядовых поколения, неизвестных бывших мальчиков-гуманитарчиков, призывников тех миражных армий, детей тех обманных и славных лет. Они

и есть – угасающая, но еще многочисленная плоть поколения, может быть, самого талантливой и обещавшего, и самого нелепого и тихо-трагического, самого «чеховского» в России второй половины ушедшего века. Не зря для них навсегда лучший фильм у Н. Михалкова – «Неоконченная пьеса...», а у Тарковского – «Сталкер»... Даже не потерянное – потерявшееся, рассеянное и обезоруженное смолоду поколение невызревших дарований, непригодившихся умов, несостоявшихся судеб... Они, навсегда упущенный шанс уже сгнувшей державы; они, обманутые своими вождями; они, кто так и не обрел СВОЕГО времени и не смог (потому что не мог – по крови) вырвать себе место и дольку в новом, неслыханном, несообразном для них переделе их рухнувшей страны, они уходят молча, неприязненно и отчужденно глядя на тех, кто взял себе право быть единственно-сущным воплощением и гласом их поколения... Те-то – так и не осмелились – и теперь уже не успеют – признаться, что успели под занавес осрамиться в торопливой попытке, в пристяжке с очередной бездарной властью, обустроить-таки по прокисшим выморочным рецептам «новую», рванувшую дуриком с осточертевшей привязи – и сорвавшуюся в обрыв, самокастрировавшуюся на лету, но не захотевшую равняться на бодренько-блудные тусовки спецов-«оттепелевцев», многогрешную отчизну «россиян», невиданного в истории ново-этноса... Может быть, мысль о них, безгласных моих сверстниках, собратях и единокровниках (кроме изнуряющего, но не отпускавшего меня желания рассчитаться, рассудиться с самим собой, выросшим из тех годов и прожившим вполне нелепую жизнь), – и заставляла меня зачем-то перебеливать и даже дописывать вчерашними и нынешними «ужастиками» свои давние и опоздавшие навсегда странички...

А вдруг печальная судьба неприкаянного и виновного поколения несет в себе все же какие-то уроки племенам младым – не нынешним, впрочем, но, может быть, когда-нибудь «грядым»... Хотя, увы – кого, когда, от чего уберегли, что подсказали анналы минувшего, сужденья из забытых газет времен очаковских?..

Кстати, подзаголовок – вовсе не указатель, что это фрагменты чего-то более крупного и цельного, это впрямую определение жанра. Именно не «поэма», а «главы из...». Пунктир, отдельные высветы памяти и нынешнего ее осмысления, стеклышки личного, маленького, самодельно-карманного калейдоскопа. Так что и номера глав тут весьма условны, да и само бы слово – «конец»...

В. А.

-----

*Бросая в воду камешки, смотри на круги,
ими образуемые; иначе такое бросание будет
пустою забавою.*

К. Прутков

*Альма матер! Не мы одни виноваты, что
светильники наши погасли! В непогоду несли
мы их, когда ветер гасил пламя...
Господа, вы не смотрите, что я молодежав.
Я хорошо сохранился. А я шестидесятник...
И в гроб меня будете класть – пальцы мне
в фигу сложите. И все будут плакать, а я
лежать и фигу показывать.*

В. Дорошевич

И не допита чаша сия.

Д. Самойлов

ГЛАВА I

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

-I-

Когда устану
Ждать беды,
Устану
Ждать чудес,
Когда я встану
Близ воды
Под пустотой небес,
Не отвержая все уст,
Не размыкая вежд,
Сложу
Свершений жалкий груз
И страшный груз
Надежд,
Судьбу свою
У ног сложу
На галечную склизь
И с облегчением скажу:
«Не получилась жизнь»,
Слизнет вода
Мои следы,
Потом качнется
Вспять...

Тогда
Я буду
Молодым
Опять,

Опять,

Опять.

И время

Вспять

Завертит круг

Над русой головой.

И маму

Я увижу вдруг

Живой,

Живой,

Живой.

И будет голос мне:

«Сынок,

Не оступись в пути!..»

И будет снова

Мне дано

Круги свои

Пройти.

Вернутся

Журавли-года,

Жемчужное крыло,

И я увижу

Города,

Где было мне

Тепло.

Вернутся

Вороны-года,

И в махе темных крыл

Опять увижу

Города,

Где хлеб мне

Горек был.

И я опять увижу
Тех,
С кем счастлив я бывал,
Во дни печалей
И утех
Певал
И горевал,
И тех,
С кем – до поры – шагал
По травам и стерне,
Кого ласкал,
Кому солгал,
И тех,
Что лгали мне.
Увижу тех,
Кого любил
И с кем делил ломоть,
Кого забыл,
Кого убил,
Разъяв
На дух и плоть,
И тех,
Кого не отдал
Полцарством за коня,
Кому я мстил,
Кого простил,
Кто не простил
Меня...

-II-

Все лица,
Тени,
Голоса

Пройдут...

И наконец –
Опять пойму,
Что был я
Сам
Судьбы своей
Кузнец.

Увижу
Восковой музей
В конце
Своих кругов:
Ненужных женщин,
Злых друзей
И ласковых врагов.
И в зеркалах
Под свист годов
Проступит
Слизь седин.
И лики
Разных городов
Сольются вдруг
В один.
И я пойму,
Что разных –
Нет,
Есть – этот,
Наяву,
В котором
Столько лишних лет
Живу.
Живу?
Живу...

И встану

На глухой меже,
Прозрением сражен:
Что я посеял
Для мужей?
Что вынянчил
Для жен?
Ни слез,
Ни слова,
Ни огня...
Не человек –
Фантом.
Благодарить –
За что меня?
И проклинать –
За что?
Ни роз,
Ни терний,
Ни следа,
Один болотный мох...

И я придумаю
Тогда,
Что есть на свете
Бог.

Качнется высь,
Шатнется твердь,
Господь
Взмахнет рукой
И воззовет ко мне:
– Ответь!
Что хочешь ты,
Такой?

И я отвечу...

Впрочем, нет.
Вот тут-то,
В нужный миг,
И не придет ко мне
Ответ –
Ни в ум,
Ни на язык.

-III-

И что сказать?
Мол,
Сир и наг,
Стою перед Тобой,
Еще не глуп,
Себе не враг,
Уже не молодой?
Стою.
И всё, как у людей:
Работа,
Хобби,
Быт.
Коплю долги,
Грехи,
Детей.
Ничем не знаменит.
Чту УПК
(А мысли – что ж,
Их к делу не пришьешь...)
Собой – не то чтобы хорош,
Не квазимодо все ж.
Сажал – по норме – деревья,
Озеленя град
(Тот сквер пустили на дрова,
Так я ж не виноват!).

Не знал больших удач
И бед,
С коллегами в ладу.
Машины нет.
Фазенды нет.
Хватает на еду.

Чего хотеть?
Вот – выпал час,
А я – постыдно нем.
Всех благ
Для жен своих и чад?
Ну, это – да.
А – мне?
Не яств, не денег же, не баб...
Как грустно, Боже мой!
Здоровья?
В генах я не слаб.
Бессмертья?
А на кой?

Желать покоя, тишины?
Покоен я вполне.
Желать, чтоб не было войны?
Так это – всем.
А – мне?
А мне, о Боже,
Лично – мне?
Для самого-то – что?

...Прошел я –
Тенью по стене,
Водой сквозь решето.

Желать
Любимого труда –

По дару, по уму?
А где тот дар,
И был ли дар –
Теперь и не пойму...

...Нам,
Други игрищ и забав,
Под шестьдесят уже.
Коронки на дрянных зубах,
Залысины на мятых лбах,
И осень на душе.
Экс-вундеркинды
Давних дней,
Развеянных в пыли,
Прошли мы
Чередой теней,
Водой
Мы протекли.

Тут
Некто в сером,
Судия,
Кольнет меня
Из тьмы:
«С чего бы ты,
Начав на *Я*,
Вдруг перешел на *Мы*?
Карманной драмы маету –
И ту
Не смог тащить?
Свою тщету и суету
Желаешь обобщить?
Оно конечно – на миру
Любая смерть красна...
Играй один

В свою игру,
Свой стыд
Сам пей
До дна».

...Да пью я, пью!
Но те глотки,
Хоть влага солона,
Давно
Как-будто не горьки,
Давно привычны и легки...
Зияют годы,
Как зевки.
А чаша –
Всё полна.

ГЛАВА II

СКВОЗЬ ЗЕРКАЛО

-I-

...Политехнический гудит.
Готовы алтари.
Идут
Эстрадные вожди,
Горланы,
Главари.

Поп-идолы иных времен!
Лобастым ратям
Тех племен

Смешон и странен был бы он –
Ваш муравьиный «поп»...

Казалось,
Чуть не миллион
Сходилась лоб о лоб.
Людская молвь
И конский топ.
Высоковольтный в нервах
Ток
И пульсы – в унисон.
Казалось,
Волей юных толп
До неба
Вздымет-таки столп
Наш грешный Вавилон...

Пироксилиновый азарт
В котле готовит взрыв.
Не кайф,
Но СЛОВО
Ловит зал,
Дыханье затаив.
И вот –
Единый вздох издав,
Бурлит,
Как в паводок вода.
И вот –
Впадает в транс...

Шестидесятые года!
Лукавый ренессанс.

И наши боги
И божки,
Младая кровь страны, –

Как нам близки –
И высоки,
Безумны –
И умны!
Гремят
Баски и тенорки,
И мановению руки
Послушны юные полки,
В отважных
Влюблены.

А те –
Заваривают бой,
А те –
Идут «на вы»,
С упрямой,
Вздернутой,
Крутой
Посадкой головы.

И следом –
Мальчики идут...

Прими детей,
Страна,
Еще не живших
В век иуд
И трусов времена,
Еще презревших слово «блат»,
Не скравших пятака;
Не жравших лагерных баланд,
Блокадного пайка,
Их –
Не испытанных в года
Огня и крутизны
Добром

Великого труда,
Великим злом
Войны,
Но –
Не сошедших с верстака
С обструганной душой,
Не обескровленных
Пока
Неверием и лжой,
Не охлажденных
В пустоте
Совиных, темных лет,
Когда не слышен
Хруст костей
За маршами побед.
Горячий нрав,
Ребячий пыл –
Направь и поддержи,
Не допусти,
Чтоб он остыл
От чьей-то новой
Лжи!
Избавь себя,
Детей избавь
От будущих трясин –
Пока он смел,
Пока он прав,
Твой неразумный сын!
Еще целительна беда
Твоих вчерашних ран.
Еще не сгублена среда.
Еще Гагарина звезда
Для всех сияет стран...

Еще болотная вода

Не хлынула в проран.

Шестидесятые года!

Хмельной,

Сквозной

Туман.

-II-

О, мальчики

Годов лихих,

Сыны

Словесных битв!

За что

Любили вы стихи,

Чей гром

Теперь забыт?

...Еще вчера

Клонило в сон,

Томились вы,

Вкусив

Посконный постный

Рацион

С литературных нив.

Среди прореженных борозд,

Где рос овес –

За то, что прост,

Где всяк чужак – сорняк,

И вдруг –

Пошел

Рядами

В рост

Невиданнейший злак!

Нет, не казался вам нелеп,

Не раздирал вам рот
Цветной,
Духмяный,
Пряный хлеб
Неслыханных пород.

Какое время было, друг!
Не фишки – гении вокруг!
О, пиршество души!
Единоверцев
Шумный круг,
У них – единая хоругвь,
Единый для распашки плуг,
Дерзай,
Дерись,
Пиши!

Сегодня,
Кто с тоской, кто без,
Мы помним
Тот гремучий блеск,
Года трескучих гроз,
Громкоголоснейших поэз,
Исповедальных проз.

Горячей пеной огребнён,
Вставал девятый вал.

Казалось,
Вечным будет он,
Рисковый карнавал,
Не хватит жизни впереди
Для праведнейших драк.

Мой сверстник,
Где теперь вожди

Российских «штурм унд дранг»?

Кто изменил?

Кто изнемог?

Кому умолкнуть выпал срок?

Кого заел уют?

Лукав истории урок.

Кто за кордоны не утёк,

В земле не лег,

Те – тут.

По-прежнему – в строю, в трудах,

Творят и издают.

Кто – депутат,

Кто – в орденах.

Поют,

Куют,

Снуют.

Им нынче – выросла цена,

Хоть стал дешевле стих.

Пришли иные времена,

Но пыл их не утих,

Взошли иные имена,

Но не оттерли их.

Их лик потрепан –

Да умён,

Поблек –

Но брав их вид.

И старый мальчик

Тех времен

На этот срам глядит...

-III-

Ах, мальчики

Годов-шутих,
Бенгальских тех идей!
За что
Не любите вы их,
Былых
Своих вождей?
За что?..

Когда-то отравил
Вас
Веселящий газ.
Та жизнь прошла.
И свет не мил.
И тень легла у глаз.

Хотя,
Спросить без лишних слов, –
Пиитов ли вина,
Что столько знала ты
Кругов,
Родимая страна?
Каких –
За столько лет! –
Кругов,
Каких словес
И дел, –
С тех пор,
Как век живых богов
Изведал свой предел,
Когда
Мудрец,
Отец,
Злодей,
Хозяин
Дум, трудов и дней,

Кумир,
Кошмар страны
Возлег –
Сначала в мавзолей,
А после – у стены...

Кому осталось
Пятки жечь
В хозяйских сапогах?
Кому потом досталось
Лечь
В регалиях с пупов до плеч,
С оркестрами в ногах?
Кому – под сапогами в пах
В подвалах фирмы «Щит и меч»,
В колымских ли снегах?
Кому – на час ходить в богах,
Навек – в шутах или врагах?
Кому – слюной истечь
В бегах на дальних берегах?..

Всяк братец – при своих серьгах,
И мойрам не перечь.
И каждой власти дорогá
Всё та ж забота и туга –
Всех,
Милосердна и строга,
По чину обеспечить:
Кого – для выставок беречь,
Кого – в психушки поупечь,
Кого – под вышками стеречь
У черта на рогах...

Да не о том сегодня речь,
И не о тех кругах.
Забот-то

Не иссяк запас.
Как говорил поэт:
Земля великая у нас,
Порядка только нет.
Достатка нет.
Устатка нет:
Мостим –
И жжем мосты...

Похмелье
Зыбких бражных лет,
Как долго длишься ты!

Не мне
С эпохой разговор
По чину, по плечу.
С самим собой
Постылый спор
Доспорить я хочу.

ГЛАВА III

ЗА ЗЕРКАЛОМ

-I-

Порой
Мне снится
Страшный сон.

...Большой,
Как автодром,
Не то музей мадам Тюссо,

Не то ночлежный дом.

Лотков ли,
Нар ли
Этажи.
И там,
Ко мне лицом,
Как на продажу,
Тьма лежит
Девчонок
И юнцов.

И я,
Пугаясь и скорбя,
Меж ними узнаю
Друзей,
Сокурсников...
Себя!
Любимую свою!

Лежим.
На нас пылинки нет.
И в нас дефектов нет.
В зубах – студенческий билет.
В анкетах – двадцать лет.
В щенячьей
Девственной красе –
Как славный бард певал:
Красавцы – все,
Таланты – все,
Поэты – все,
Вповал.
Как у живых,
Блестят глаза.
И – ключик,
Ниже спин...

Не то завод,
Не то базар
Механобуратин.

И входит некто,
Над собой
Неся плаката два:
«Родимым пятнам культа – бой!»,
«На Ангару, братва!»

И не спеша,
Как бы устав,
Заводит нас.
И вот –
За рядом
Ряд
Отверз уста...
И гул
Окрест встает.
Читают,
Ртами шевеля,
Кумира хлесткий стих
Ряды,
Шеренги,
Штабеля
Ровесников моих.

Как наши голоса чисты!
Как наш порыв един!
«Не винтик я,
Не винтик ты,
Не винтики,
Не вин...»

-II-

Не прав,
Не прав недобрый сон,
Не надо верить в сны!
А этот –
Знамо, занесен
С ненашей стороны...
Ведь было всё –
Не то,
Не так,
И всяк из нас – не тот.
Не механический дурак.
Не заводной урод.
Мы были – всякими.
Но бил
Живой по жилам пыл.
И культ –
Он нашей болью был.
И Братск –
Любовью был.
Из темной выгребя воды,
Страна рвалась вперед.
И нес
Сизифовы труды
Бессребренник-народ.
И ясен день был,
Волен дух,
И светел горизонт.
И мы
Готовились к труду
И ждали
Трубный зов.
Какой за дверью окоём!
Какой простор

Цветной!
И завтра – горы мы свернем!
И крылья – за спиной!

Какое счастье –
Ждать трубу
И знать,
Что ты – в ряду!
Еще слова
С больших трибун
С твоей душой –
В ладу.

А у рядов – геройский вид,
И всяк красив, как бог,
И каждый рядом – даровит,
И завтра – будет знаменит,
Да ты и сам – не плох.
И долг твой –
Не копя, дарить,
И нужен ты стране,
И можно мысли не таить,
Всё, что на сердце, – говорить
И суд над кривдою творить
С отцами наравне!
И снова –
Верить можно!

Он,
Великий веры дар,
Был в нас спасен,
Был возвращен,
Хоть крепок был удар.

-III-

Уменье веровать!
Беда,
Коль в нем изъян возник.

И как мы верили –
Тогда! –
Шатнувшись лишь на миг.

Не в чей-то бюст,
Не в чей-то лик,
Не в плешь газетных фраз –
В свой век,
Который так велик,
Что возвеличит нас!
Мы верили,
Что долгий путь
Отныне –
Чист и прям,
Что можно
Прошлое –
Стряхнуть,
И Ленину –
В глаза взглянуть,
И века вес – принять на грудь,
И словом – землю повернуть,
И делать это –
Нам.

И той поэзии язык –
Как внятен был нам ты:
Не похвальба,
Не звон,
Не крик –
Всегласность правоты.
Твои хлеба,
Твои корма

Имали вкус один:
Не яд,
Не допинг,
Не хурма –
Насущный витамин.
Он освежал.
Он насыщал.
И кто его вкусил –
Тем он
Назавтра
Обещал
Победу светлых сил,
Тех сил,
Что всё превозмогли,
Испив из родников
Далекой
Сказочной
Земли
Святых большевиков,
Свободной праведной земли
Под разноцветьем зорь.
Мечту о ней не извели.
Пески ее не занесли.
Иди – и ею исцели
Сомнений
Злую хворь...

...Мы были – всякими.
Но мы,
С каких сторон ни взять,
Готовили свои умы
Не для дороги
Вспять.
Не покупались
Ни на лесть,

Ни на гипноз имен.

...Но правда
Дьявольская –
Есть
В том сне,
Хоть ложен он...

ГЛАВА IV

ПИСЬМО В ТАМЗЕРКАЛЬЕ*

-I-

Речь не о тех,
Кто оплатил
Судьбой
Свои слова,
Кто отлучен
И проклят был,
Кого доби́ли

---

* Напоминаю, что и эта глава была обдумана и во многом написана еще в 1988-м. С тех пор и времена сломаны о колено, и сосотялись-таки возвращения доживших, отнесенные здесь в некое будущее. Впрочем, многие вернувшиеся и нынче предпочитают бывать в первом доме наездом или вовсе участвовать в родимой кипучей буче как бы заочно, с берегов вторых отчизн: новая Россия уютней не стала. А в давних строчках сегодня не изменено ни буквы. Что сейчас, пожалуй, означает – открыться для гневных розог или стебных ухмылок со всех флангов, фронтов и тылов. Случись так, отвечать не было бы смысла: в спорах о последних советских эмиграциях истина – единая на всех – не рождается, тут у каждого свои ощущения, взгляд, резоны, память и итог. У меня – остаются они теми же. Не отвергая и не опровергая чью-то иную правду, оставляю себе – свою. Молодые же нынешние «россияне» (граждане мира тож), видимо, вообще не примут, а то и просто не поймут, что толкует, чем уязвлен старозаветный «лирический герой»... Печально, но, очевидно, закономерно. – В. А.

Раб-зоил
И платная молва.

И не о тех,
Кто отслужил
И выслужил права
На то,
Чтоб там,
Где он смежил
Глаза больного льва,
Скворец кружил,
Певец блажил,
Юнец о временах тужил,
Когда народ
Той песней жил
И пела,
Злей гитарных жил,
Надгробная трава...

И не о тех,
Кто шел в распыл
За эти же слова,
Почти безвестным
В тень сходил,
И даром
Топь собой мостил,
Как палая листва;
Кто не в юродивых дерзил,
Не гений был
И не водил с героями родства,
В анналах имя не столбил,
А просто
Лоб себе разбил
По зову естества,
С сумой бродил,

По зонам гнил
И лег
Без именных могил,
А выжил –
Так едва...

Да и едва ль из них
Таков
Припомнится один,
Кто б дрался из-за ярлыков
На княжий стол,
На пир богов,
На званье, слаще всех венков:
«Поэт и гражданин»,
Кто б рвался
В стойла вожаков
И в атаманский чин.

А штатной фронды
Трубачи,
Кому уже давно
Крамолы
Звонкие ключи
Ковать разрешено?
Хоть те ключи –
Не к тем замкам,
Зато бойцы сильны,
Зато по всем материкам
Звенеть они вольны.
Да время –
И для тех течет,
Кто с временем ловчил,
Они давно наперечет,
И мэтрам
Запоздалый счет

От бывших мальчиков

Еще

Ленивый не всучил.

Речь – о других.

Как говорить

И где слова найти?

А влагу горькую пролить,

Не донести в горсти –

Тут легче легкого.

Легко

Крутить в трех соснах след,

Рядить до третьих петухов,

Кто зряч,

Кто крив,

Кто слеп...

У них –

Особенная статья

И счет особый к ним.

Скажу, как скажется.

А внять,

Отместь, презреть иль освистать –

Оставим

Им самим.

-II-

Грядущей гласности гонцы,

Предтечи, столпники, отцы,

Кто, по молодым летам,

Здесь

Поначалу шел в певцы

Геройских дел и драм,

А выйдя в ранние спецы,
Прозрев терновые венцы,
Шел в добровольцы-беглецы
И вышел в судьи –
Там...

Где папа Хэм,
Чтоб описал
Вам
Тот мальчиший шок?

В лубянской «Правде» полоса
Еще черствеет впрок,
Где всех
Приспешников «Моссад»,
Наймитов ЦРУ,
Вдогон
Деря за волоса,
Приговорят к костру.
А ты,
Еще не веря,
Сам
Поймал по дальним «Голосам»
Сквозь воющий эфир
Пролог
К ужасным чудесам:
Вчерашний твой кумир
Тому назад уж два часа
Избрал
Свободный мир
Кто пел, любил,
Кто принял бой,
Горел, кипел и дрог,
Кому, казалось бы, собой
Дано явить урок:

Вот – он пророк,
А ты – малёк,
Но в нем
Восторг и боль –
Твои;
Он – мир, а ты – мирок,
Но горд и ты судьбой:
Пример, герой, дерзец, ковбой,
Он
Делит с этой,
Не с любой,
Страной
(а значит – и с тобой)
И кров, и хлеб, и срок...
И вот
Вчерашний полубог,
Силач, талант,
Игрок, плейбой –
Не смог.
Убёг.
Утёк.

Сквозь щели
Треснувших плотин,
По капелькам пока –
Один, другой,
Еще один, –
Пошла мелеть река...

...Сейчас,
За давностию лет,
Как поглядишь –
И что ж?
Меж всех,
Тогда менявших цвет,

Всех,
Бравших старт на красный свет,
Какого ни возьмешь, –
И добровольцев как бы нет,
И были ль, не найдешь.
И станет впрямь не по себе –
Святых имен не трожь:
Никто не рад своей судьбе,
Всяк – подневольный КГБ,
Все – выдворены сплошь.
Любой упрек теперь не в масть.
О чем тут разговор,
Когда,
Сперва помаяв всласть,
Потом,
От сатаны крестясь,
Хулы вселенской убоясь,
Силком
Своих строптивцев власть
Толкала за бугор?
Но там,
Где шаг последний ждет,
Себе – мы господа.
Пенять на рок,
На солнца ход,
На чьей-то воли черный гнет?
Всё – так.
Но и тогда
Перешагнет порог
Лишь тот,
Кто сам
Шагнул туда...

Незрима,
Не сойдет печать
С того,
Кто предпочел
Своим несдобным калачам
Чужой богатый стол,
Чужих хлебов,
Чужих свобод,
Чужих похвал
Манки.
Дай Бог ему
Текущий счет
И долгие деньки,
Великих дел,
Святых забот,
Свобод и благ –
По грудь.

Без нас он, верно,
Проживет.
А мы – уж как-нибудь.

О ты,
Новейший Агасфёр,
Противник шор и уз,
Жилец и жрец
Надмирных сфер,
Творец,
Наперсник муз!
Пусть даже многое видней
Тебе с той высоты.
Пусть
Не из маленьких страстей,
Не потому, что там – сытней,
А ради праведных идей

Ты сжег свои мосты.
Пускай ты жертва злых людей,
И как бы ни был ты
Прав
С точки зрения своей
Всесветной правоты,
И как бы ни был ты умен,
Талантами богат,
Но ты –
Бежал.
Ты – вышел вон.
И потому
До дна времен
Пребудешь виноват.

А я?
Я зло с добром мешал,
Страну собой не украшал;
Ты бил в набат,
А я
Годами душу не смущал,
Что в стих тоску не воплощал,
И низким бытом замещал
Высо́ты бытия,
Армагеддон не возвещал,
Умом тощал,
Себя прощал,
И, верно, духом обнищал.
Пусть ты – велик,
А я – так мал,
И жизнь темна моя.
Но ты – бежал,
Бежал,
Бежал.
И ты

Мне –
Не судья.
И не судья моей стране,
Отныне – не твоей.
Еще придут к тебе во сне
Тоска
И память о вине,
Что не чета моей...

-IV-

Тропа история хитра.
Порой история мудра.
И в некий
Дивный день –
Кто блудным сыном был вчера,
Приидет,
Поплутав в мирах,
Под отческую сень.
Прах чужедальний отрясет,
Осмотрится в дому.
Обид не помнящий народ
Утрет
Слезу ему.
И грех,
Что приключился с ним,
Спеша избыть скорей,
Он воспоет
Сладчайший дым
Родимых алтарей.
И,
Обобщив свои пути,
Научит нас,
Как жить,
Как до него нам дорасти,

Как дом мести,
Как суд вести
И правде послужить.
Заслужит званье мудреца.
И восхитится, глядь,
Уроками
Экс-беглеца
Критическая рать...

Вот –
Перед времени лицом,
Тем паче – пред собой
Оправдан,
Назван ты творцом
С трагической судьбой.
Носи, храни, коль приобрел
(К тому ж – не без причин)
Былых страданий ореол,
Как орден или чин.
Живи,
Пригрет страной своей,
Тут ей видней,
На то у ней
Резоны и права:
Болят у горьких матерей
И за гулящих сыновей
Душа и голова.

Но я – еще не вся страна,
Не класс, не голос масс,
И, слава Богу, мне сполна
Ни ширь природы не дана,
Ни беспристрастность глаз.
Тут суть проста,
Как жизнь и смерть,
Подтекстов не ищи

Сбежавшим раз –
Доверья впредь
Не будет, не взыщи.
Пусть
Вéка суд – он суд святой,
На время не ропщу,
Но, счет к тебе имея свой,
Я,
Бывший почитатель твой,
Твой рекрут,
Преданный тобой,
Жив буду –
Не прошу.

-V-

...Так будет завтра.
А пока –
Над ним чужие облака,
Чужая хлопает рука
Скитальца по плечу,
И ставит он
Чужим богам
За выбор свой свечу.

Вон тот –
Пока у них в цене.
Он путь туда мостил,
Витийствуя о новизне,
О гуманизме, левизне,
О побуждений белизне
Заморских палестин.

А тот
В нью-отчей стороне

Пока – воитель на коне.
И, тон погромче взяв,
Толкует о глухой стене,
О зарешеченном окне,
О нашей перед ним вине,
Гарцуя и скользя
По шрамам
Наших черных дней,
По праху
Горестных теней,
Что в памяти сквозят,
Шумит о мире и войне,
Пороков наших глубине,
Родившей правдеца стране
(Моей стране – а значит, мне)
Анафемой грозя...

Я прожил – с ней.
Была странна́,
То по-недоброму хмельна,
А то недвижна и мутна
Та жизнь.
Но суждена
Одна в тумане мне струна,
Межа – одна.
Земля – одна,
И, черт возьми, она – родна,
И, Бог прости ее, она,
Как ни чудна,
Как ни грязна,
Страшна,
Несча́тлива,
Пьяна,
Лишь задним разумом
Умна,

И для веселья не годна,
И, как ни бьется. – ни рожна,
Ни зги, ни доли, ни хрена...
Но,
Хороша или дурна,
Она –
Моя страна.
И не тебе
Ее казнить
И миловать
Теперь,
Когда ты смог судьбу сменить,
Порвать серебряную нить,
Закреть затылком дверь.
А мне – с ней жить
И с ней кружить
Там,
Где – убей! – не различить,
Что́ в поле: пень или зверь...
В нее и кости положить,
Сколь долгий век ни мерь.

...Все глуше путь,
Сильней износ,
В запасе – меньше дней.
А чаша та
Стыда и слез
За жизнь, что прожил не всерьез,
День ото дня полней.
Ту злую чашу пригубя,
Свой груз
С собой несу,
Без вас, витии,
Для себя
Ведя и счет,

И суд.

ГЛАВА V

ОСКОЛКИ ЗЕРКАЛА (1)

Ах, давний мальчик,
Сын полка
Из призрачных громад,
Забывтый
В рекрутах-мальках
Несбывшихся армад!
Гуманитарчик-мальчуган,
Чье имя – легион,
Кто талой мѳроси туман
Глотал
Не как обман-дурман –
Как грозовой озон,
Кто, словоблудов и кликуш
За муки полюбя,
Мнил,
Что не мальчик он, но муж,
Подстегивал себя,
Вослед
Бойцам эстрад
Шагал,
Зубря их письмена,
И богатырски расправлял
Цыплячьи рамена,
Куражный звон,
Эрзац-накал

Чтил за глагол времен,
Миражной крови
Присягал
Мишурных тех знамен...

Теперь
Ты сроки прозевал,
Как птица дронт,
Смешон.

Тебе ль
Иронией грешить,
Пускаясь в поздний пляс,
Хлам бывших святцев жечь,
Крушить
Твой экс-иконостас?
Но что-то требует спешить,
Золу бывшего ворошить
И длить
Ненужный сказ.

Хоть совместить картины те,
Что сам же рисовал:
Кошмар раденья в пустоте
И духа карнавал, –
За хмарной дымкой все трудней.
Им памяти слюда
Крошится в пыль.
И всё бледней
Пунктир,
Штрихи,
Осколки дней,
Разбрызганных в года,
Когда
В мутнеющей заре
Всё новых утр и дат

Не различишь,
В какой игре
Опять тебя дурят,
Какое
Тлеет на дворе
Десятилетье, брат...

* * *

Вот,
Неказист, но голосист,
Сермяжный лысый Брут,
Кого
Потом
«Волюнтарист»
Камрады назовут,
Кто в гимне
Тексты обновил,
ГУЛАГа прорву обмелил
(Потом – других в тот донный ил
Вбивать придет пора);
Кто первый спутник запустил,
Кто чуть планету не сгубил,
Когда пошла на оверкилл
Карибская игра;
Кто и Насэра наградил,
И башмаком ООН грозил,
И целину орал,
В Айову чуть не обратил
И тундру, и Урал,
Наобещал молочных рек,
Говяжьих берегов
И путь до рая нам предрек
В десятка два годков;
Широк натурой, прост и прям:

Интеллекту́ям – дрын,
Гнилой картошке – божий храм,
В подарок – целый Крым
(Потом – нахимовых в гробах
Тот всколыхнет разлом);
Любитель вышитых рубах
Великий агроном,
Кого мы с пеной на губах
Кляли (опять – потом),
Кому сперва мы, кто как мог,
За первый
Воздуха глоток
Кадили впрок,
Плели венки,
Сиропили елей, –
Заборной кличкою
Нарек
Певцов-то,
Главарей...

* * *

Вот песенка –
В каком былом
Знал каждый назубок
Про ту тайгу, что под крылом?
Вот ЛЭП,
Вот БАМ – как в рельсу лбом,
А вот – «Зиганшин-рок»...
А этот – где, в году каком
Мозолит глаз ларек:
Болгартютюн,
Гавана-ром
И плавленый сырок?..

***

Колодой карт,
Затертых сплошь,
Тасуются года.
Уже почти не разберешь,
Какую
Класть куда...

* * *

Еврей
Арабу наложил
По первое число –
Скандал!
Зато –
Чтоб я так жил –
Соседу повезло:
Браток,
Простой советский жид,
Гордись,
Властям назло,
В раю,
Где дроз, терпел, служил,
Расправь на час чело!..

* * *

Еще шажок,
Еще пунктир,
Все глаже корка льда...
Вот снова
Крюют
«Новый мир»,
Окоп охульников,
Фронтир
Идейного вреда.

Герой Труда
Соорудил
Газетный разворот:
Мол, тот,
Кто Теркина родил,
Теперь уже – не тот,
Себя от масс отгородил,
Не тех пригрел,
Не так рядил
И не туда зовет...

* * *

Юнец.
Позорная скамья.
Народный трибунал.
– Вы – тунеяд! –
Долбит судья.
Кричит поэт:
– Работал я!
– А где?
– Стихи писал.
– Трудились, спрашиваю, где?
– Я ж говорю – писал!
– Где документы о труде?
– Стихи...
Глазеет зал.
Глаза читателей чисты.
Певцы рабочей красоты
Протерли их до пустоты.
Не в силах люд постичь
Мальчишки
Горней правоты.
– Хитер бобер! Гляди-ка ты, –
Толкуют, душами просты,

Егорыч и Кузьмич, –
Мы – уголька рубай пласты
И знай потей
До дурноты,
А грамотей
Прилег в кусты,
Пошел соплей марать листы, –
Корми его, лечи глисты
И сахари кулич?
Еще б за труд ему – цветы
И премию опричь!

И ослабляют в зале рты
На этакую дичь...

* * *

Тёк с Альбиона
Стылый смог.
И вдруг –
Как солнца взрыв:
Четыре чуда на порог
Из докерской норы!
И каждый – бес,
И каждый – бог,
И свойский в доску паренек,
Судьба, которой имя – рок,
Легенда детворы:
Родная челка «под горшок»,
Улыбка – каждый зуб с вершок,
Чумной гитары взбрык,
И Пола сладкий голосок,
И Джона нежный рык...

* * *

А тут – заблудишься в годах.
Газетной пайки лебеда:
Доклад,
Подряд,
Прокат,
Руда,
Новейший ледокол...
И – голубые города,
И – литдискуссий лабуда,
И – ВИА резвая орда,
И – «не расстанусь никогда
С тобою, комсомол,
Останусь вечно молодым!»

А по курилкам – смех сквозь дым,
С оглядкой анекдот,
А на трибунах – слив воды,
На полках – полкило еды,
На нивах – недород...

* * *

Гул пятилеток
Все смутней,
Злей явь,
Дурнее сны.

И все слышней,
И все внятней
Поэты
ТОЙ войны.
Фанерный лес простых могил,
Свинцовый плеск имен.
Вот – Николай, вот – Михаил,
И Павел, и Семен...^{*}
А этот – выжил в пекле лет,
Не выжит
Злой травой.
Какое счастье, что поэт –
Пока с тобой,
Живой.
Не сокол сталинских массандр,
Не зубр, не дуб, не палисандр –
Шестых шеренг
Солдат:
Арсений, Юрий, Александр,

---

^{*} *Майоров, Кульчицкий, Коган убиты на фронтах; Гудзенко добит войной вскоре после Победы, по своему же пророчеству: «Мы не от старости умрем – от старых ран умрем».*

Борис, Давид, Булат.*
Им
Вымирать пора давно.
Не ими крутится кино,
И над умами власть
Не им
Иметь разрешено.
Да и не всем из них дано
Не спеть разок фальшиво.
Но –
К кому еще припасть?
И от кого
В дерьме дорог,
Где вязнут разум и сапог,
Надежды флейту
Внять?
Взять
Горькой мудрости урок
И мужество занять?
Опору жить,
Любить,
Дышать
И даже петь порой –
В стране чудес,
Где без гроша
На паперти – герой,
Где трус –
Отважнейшим вожак,
Где в рысаках –
Кастрат-лошак,
Дроздам – предписан строй,
Где можно всё:
Не сеяв – жать,

---

* Они еще жили тогда: Тарковский, Левитанский, Межиров, Слуцкий, Самойлов, Окуджава...

Мышей –
Учить слонов рожать,
Дать вору – орден на пиджак,
Дыру – считать горой...

* * *

Дрожит усталое стило,
А сказке – нет конца.
В какие годы
Увело
Иных времен птенца?

* * *

Кремлевский
Мерит коридор
Шажком,
С натуг – в поту,

Бровастый
Будда-командор
С органчиком во рту,
За сотый орден
На бока –
Целуя всех взасос...

А там,
За дачами ЦК,
Страна
Пошла в разнос.

Несут
И клерки,
И бомжи́,
И гегемон,
И смерд.

Поскольку надо
Чем-то жить,
И чаду – вынь да положи,
Есть просит пионер...
Жену бы тряпкой ублажить,
На черный день бы отложить,
Еще б войну отворожить,
Еще б за ворот заложить –
Тоску тупую заглушить
На наш родной манер...

Ворьем
Россию ль удивить,
Коль тут
Нам власть – пример?

А утром –
Побредем служить
Во славу
Слов-химер...

* * *

Власы не поднял
Вещий страх,
Не тронул холод лоб,
И не помстились в зеркалах
Чума или потоп,
Лишь хмыкнул,
Всяк в своих углах,
Дьяк, барин и холоп,
Когда,
Суля державный крах,
У мавзолея на задах
Вдруг
Освинцовел княжий прах,
И ухнул я яму

Гроб.

* * *

Покуда
Трудовой подъем
В народе не угас,
Мы птицу счастья откуем,
Прикажем выбрать нас.
Еще свершим, повозведем,
И не один насоздаем
И Атоммаш, и ВАЗ,
И рукотворный водоем...
Еще от вражьих глаз
Мы не один на ключ запрем
Град-Китеж-Арзамас.
Еще
Над старческим Кремлем
Горит
Завещанным огнем
Андроповский указ.
Еще порядок наведем,
И шахермахеров прижмем,
И партхапуг-пролаз!
Еще в коммуну пригрядем!

Вот только реки повернем,
Да сахарцукеров
Пугнем
Ремнем на первый раз,
А не поймут, – к ногтю возьмем
Бацилл чужих зараз.
Ну, академик, ну, Герой,
С дырою голова!
Лечи секретный геморрой,
В науке там чего открой,

Да бомбу новую построй,
А не качай, сова,
С гунявой диссидентурой
Какие-то права!..

* * *

А за зубчатую стеной
У площади Побед,
Где Руста птички заводной
Еще не ведом след,
Уже затлела над страной
Заря
Безумных лет.

ГЛАВА VI

ОСКОЛКИ ЗЕРКАЛА (2)

Как продолжать, спаси Аллах?
Бумагу
Бьет озноб.
Слоятся тени в зеркалах,
Года
Пошли в галоп.

* * *

Маячит
Меченый генсек,
Нечаянный геракл,
Кто смог,

Чего, казалось, век
Не смог бы – что там человек! –
Ни Бог, ни Божий Враг:
Тряхнуть
Земли шестую часть
И мир перекосить.

Незрим
В андроповских лучах,
Он на вторых ролях бы чах,
Обвык бы
Тихо на плечах
Головушку носить...

Лукавый сам
Попутал, чай,
Бояр второго Ильича
На стол
Его просить.
Но кто подумал бы всерьез,
Что от его руки
Партийный
Глиняный колосс
Пойдет на черепки?..

Отпад!
Свихнулись времена!
Шатнулся Третий Рим.
Никак
Свободушка дана?
Ахти, несвычна нам она –
Такого натворим!...

Зри, люд столиц,
Честной народ
Всех глухотных мест,

Как микрофоны с мясом рвет
Невиданнейший Съезд!

И вот –
Консенсусов артист,
Друг Тэтчер, враг войны,
Углубленный либералист,
Наш недоперереформист,
Полукупец, полумарксист,
Примерный муж жены
(Иль мелкий бес-идеалист,
Иль впрямь мутант-социалист, –
Спроси у сатаны...),
Кому – признай, не прячь лица,
Мой бедный друг и брат! –
Ты, битый циник, как пацан,
Уж был поверить рад,
И чей станичный говорок
Сперва аж умилял,
Кто дивной грезой
Нас завлек
И даже – на короткий срок –
Питал и вдохновлял,
Кому, без шуток,
Монумент
История должна,
Он –
Твой пролетный президент,
Фантомная страна.

* * *

Глядь – референдум!
Исполать!
Впервой
Желаньям нашим внять

Решил верховный клир?
Союзу – да!
Теперь-то, знать,
Наступят сразу
Тишь да гладь,
Во человецех – благодать,
С капиталистом – мир.
Вот – перестало холодать!
Пора на радостях поддать,
Сойдясь на братский пир.
Нам коммуналку ли менять
На дюжину квартир!

Вот только братьев не понять.
Прибалтов – ладно, не унять,
А прочим-то – чего линять?

Гнильца какая-то, видать,
В державе датской, сир...

* * *

Свобода,
Ты страшней, чем СПИД
Для давнего скопца.
Неужто
Край мой Богом бит
За то, что испокон гневит
Адамова Отца?

Тбилиси...
Вильнюс...
Днестр...
Бишкек...
Сухуми...
Визг свинца
И дым.

И пепла черный снег.
И снится
Завтрашний абрек
Буденновска мальчикам –
Не с папиросою «Казбек»,
С базуккой – у крыльца.
И половецкий скрип телег,
И горький беженцев ночлег,
И на берегах
Рубежных рек –
И обр,
И скиф,
И печенег
Схватились,
Кровники навек,
До смертного конца, –
Взыгравший князь,
Воспрявший бек, –
Над дележом ларца,
Наследьем
Царства-мертвеца,
Железного скупца...
И – вечный бой?
И – вечный бег
Сквозь кровь и пыль?
Ужасный век!
Ужасные сердца!

Неужто впрямь
На край такой
Господь
Рукой махнул
И подал
Знак предсудный свой,
Когда

Полынной злой звездой
Чернобыль полыхнул?..

* * *

И вот,
Ступив из-за кулис,
Сам загодя лицом землист
От смелости своей,
Дрожит,
Под всей галерки свист,
Ручонкою гекачепист,
Наш августовский декабрист,
Тряпичный мученик-солист
В танцфарсе лебедей.

А за окном –
От сна восстав,
Взъярясь от хунтовых забав,
Безумствует Москва.
Пыхтит,
Как кур в ошип попов,
Танкистская братва.
И, башню танка оседлав,
Борис,
Который был неправ,
Рычит,
Теперь – и прав, и брав,
В бурлящих улиц автоклав
Горящие слова...

* * *

...Всё – впереди.
И сладкий трёп
Про путь в пятьсот деньков,

И непролазность
Диких троп
На дважды пять годков,
И новояз, каких не знал
Уют родных болот:
Банкротство, кризис, черный нал,
Обвал рубля, сверхкриминал,
Локаут и дефолт;
Бюджетных смертников удел,
Обрыдлый голый быт,
Всех МММов беспредел,
Загранподачек стыд,
Шахтерских маршей череда
И слезы стариков;
Лихих премьеров чехарда,
Парад приват-царьков;
Вождей предвыборная дрожь
И выборов фальшивый грош;
Рекламы глум и бред,
Шаманство, стёб, и грязь, и ложь
Экранов и газет;
И думских умников бои
За свой тугой оклад,
И тощих земляков твоих –
Сума, и мор, и глад,
И толстых – мерсы и паи,
И сбитый в толстые слои
Заморский шоколад;
И госдолгов безумный блиц,
Когда казна пуста,
И казнокрадов и убийц
Швейцарские счета;
Тусовки
Партий, стай и свор,
Разборки, кровь, разбой, разор,

Кавказская резня,
Приморский ступор,
Крымский спор,
Балканская грызня...

И тот
Свобод гарант живой,
России символ и герой,
Кто танки подминал,
Сошедший с рельс
Парламент свой –
Былых собратьев гордый строй,
Пошедший вдруг
Ломить стеной
За право власти над страной,
Где и устой-то правовой
Покуда не дневал,
Где нам закон, едрена мать,
Что дышло был века, –
Из тех же танков
Раздолбать
Не приказал пока...

Еще
Тот годик не настал,
Когда,
Промыв глаза,
Затылок яро зачесал
Голосовавший «за»:
Как вникнешь в речь,
Вглядишься в лик,
Оглянешь верх и низ –
Да уж не мóрок ли возник,
Да тот ли он, Борис?
Вздел гири-вежды на очах,

Уста разъял едва, –
Уж не муляж ли Ильича,
Того, что номер два?

Хотя –
Себя теперь спроси, –
Окинешь, согреших еси,
Всех прочих
Тьмы и тьмы:
Кого же – Господи, спаси! –
Курульный сейм нечистых сил,
Кунсткамеру ль всея Руси
Наизбирали мы?

Иль правы
Циники веков,
Ехидные мужи:
Зачем шумишь, народ,
Каков
Ты в зеркале своих верхов?
Каких имеешь вожаков,
Таких и заслужил...

Все впереди еще, мой друг.
На завтрашний
Убойный круг
Чуть тронулась турель...

* * *

Похмельем
На чужом пиру
Теперь ужалит память вдруг:
Как,
В гуле тех недель,
Всех нас,

На сладостном ветру,
У ждущей прорвы
На яру,
Слепил
Победный хмель.

Как перетряс и передел,
Страны раскрой-разброд
За плясом
Мутных полудел,
Дурных полусвобод,
От крика «Гласность!»
Обалдев,
Пропраздновал народ.

И как
В один прекрасный час
Раскрыл в испуге зев,
От шока рыночного
Враз
Прозрев и протрезвев.
Гляди, совок,
Раззявив рот,
Как с гиканьем пошли
В бесовский
Чудный хоровод
Все упыри родных широт,
Все пузыри земли.

* * *

Ура, свершился поворот!
Ужель
Мы вправду близ
Твоих сияющих высот,
Родной капитализм?

Поотрясем мы
Старый мир,
Как прах, с затекших ног!
Скорей бы нам –
Златой кумир,
И заодно – чертог!
Кто
В комсомольских вожачках
Поднакопил азарт,
Тому ль
Остаться в дурачках,
Когда такой базар?
Пришел черед, пришла пора –
Идем, друзья, идем,
За всё, не взятое вчера,
С лихвой
Сейчас возьмем.
Встряхнем
Прикисшее вино,
Есть хватка, ум и страсть,
В стране еще добра полно,
Так что ж ему – пропасть?
Конечно,
Экс-партай-муллы
Уже – приват-вожди.
Ну, мы – одних кровей орлы,
Столкуемся, поди.
А ты, голяк соцкабалы,
Не суй трудящие мослы,
Тебя не звали за столы, –
Жуй ваучер – и жди.
Ужо реформ тебе дадут,
Смотри, не обкормись...

А тут

Бойцов ряды встают,
Дивись, капмир, учись:
Фарц-игрецы, жнецы валют,
И каждый – лют,
И каждый – крут,
И метит
Вдаль и ввысь...

* * *

Пока писаки
Всех подряд –
И сталинят, и бухарят,
И верных ленинцев-орлят –
Зело и лихо костерят
Для услажденья масс,
Нам –
Дело делать втихаря.
И мы-то помним:
Дал не зря
Механик главный Октября
Соратникам наказ:
Лишь те
Историю творят,
Кто, властной жаждою горя,
Свой не упустят час.
Пока бушует словопря
Про кости дохлого царя,
Про отделение бурят,
Про секс
И средний класс,
Ты,
Лишних слов не говоря,
Руби «Авроре» якоря
И в пушку не пустой заряд

Забей на этот раз.
Седлай
Валютные мосты,
Хватай
Заводы и порты,
Боксит,
Уран,
Алмаз...
У власти
Суть и плоть просты:
Посты
Не терпят пустоты.
Зовёт отчизна нас,
Хозяев
Новой нищеты
Родимой вечной мерзоты.
В нас – доброй старой густоты
Закалка и окрас.
Всё подметем до чистоты,
На все положим глаз,
В быль
Воплотим свои мечты,
То бишь
В зеленые хрусты, –
Нефть,
Газ,
Сосновые хлысты
И золотой запас...

У нас – Россия на плечах,
Алтарь,
Амбар наш и очаг,
И нам – забот вагон:
Вон
Молодая саранча

Выходит на обгон...

* * *

О Русь!
Среди твоих руин
И хлябей – посмотри! –
Поднялся
Новый властелин,
Могуч,
Живуч, акулий сын,
Казной и пастью – исполин,
Собой – как дуб среди долин,
Снаружи и внутри,
Уже герой всех жанров, блин,
От анекдотов до былин, –
Хоть за погляд бери!

Корчагин, Пряслин и Журбин,
Голёмы из советских глин,
Вам не видать таких картин,
Не вы – богатыри!

Детишкам
Будущих годин
Распишут буквари,
Как шел
Сквозь мглу родных теснин
Птенец
Иной зари,
Судьбы купец и господин,
И ратный клич
С больших вершин
Его на подвиг звал;
– Беру госбанк!
– Возьму минфин!

– Куплю телеканал!

* * *

Соединяйтесь, братаны
И киллеры всех стран!
Дорогу дилерам страны!
На все четыре стороны
Мы всё теперь продать вольны!
А станем от трудов бледны,
По офисам утомлены –
Есть кляб и кегельбан,
Гульнём,
Маркетинга сыны,
Дашь для игрищ –
Казинь,
И на оттяг –
Путан!

Культуры
Нам недостает?
А кто вам жрать, пардон, дает,
Поденщики кулис?
Кто лоху –
Книжку тиражнёт,
Попсишку –
В шоу протолкнет
И бабки лабуху найдет
На творческий круиз?
Кто ваш фильмец на кошт возьмет?
Кто вам обаксит наперед
И фестиваль,
И приз?
Да на халяву
К нам придет
И даже вокализ споет,

И даже Пушкина прочтет
Народнейший артист!

* * *

Чей гений
Нас сюда завел,
Игра каких умищ?
Окинь окрест
Родимый дол, –
Никак опять прошел
Монгол
Средь отчих пепелищ?
И ты –
Почти готов в размол,
Вдвойне бесправен,
Трижды гол,
Стократ
Угрюм и нищ.

* * *

Какое «Слово» бы сложил
Грядущих лет Боян
О странном этносе,
Что жил
Под кличкой россиян?
Что тут гадать нам...
Опадут
Листы календарей,
И дети наши
Воздадут
Сполна

Всем кашевварам смут,
Всем зодчим пустырей.
И заодно – отцам своим,
Нам,
Сдавшим их в полон
Умам чужим,
Вождам чумным,
Злым жерновам времен.
Дай, Боже, выжить им
В краю,
Что нынче – волчья сыть,
И, может, родину свою
Поднять,
Обнять,
Отмыть...

Но мысль ужасная одна
Жжет душу и мозги:
Вот
Новым веком
Им дана
Другого взгляда глубина
И глыбь зеркал других,
А там –
Всё тот же шурф без дна,
Страны всё та же голизна,
Всё те же
Нечисть,
Пелена
И в омуте круги?..
Господь,
Пускай на нас – вина,
Но плоти нашей семена –
Спаси, убереги...

А мне –
Не доплести колец,
Не досчитать шагов.
Пора прощаться, наконец,
С тобой,
Седеющий малец
Из дантовых кругов.

...Ау, плавильная руда,
Таланты и друзья!

Шестидесятые года!
Зыбучая стезя...

Мой друг,
Открыто ты глядел,
Ты диаматом овладел,
И думал ты тогда,
Что плевел слов
Есть колос дел,
И это –
Навсегда.

...А Праги стыд наш и беда
(А там, через года стыда, –
Афгана черная страда,
А там, где лет темна вода, –
Чечни кровавая бурда)
Тебе не мнились никогда
Ни в днях,
Ни в снах твоих...

Шестидесятые года...
Мы – злые дети их.

Угрюмых
Стариков-детей

Обманных
Славных лет,
О Боже, Боже, пожалей! –
Им утешенья нет.

За хилый дар,
За хлипкий дух,
За воли паралич,
За то,
Что жили, как в бреду,
Что писано им на роду,
Чтоб их обыгрывал в балду
Очередной Ильич,
За легковерье
В лисий брех
И в ряженных борцов,
За грех безверья,
Поздний смех
Над верою отцов,
За зряшный ум,
За сердца стынь,
За плач
По светлым снам,
За то, что им
Ни книг полынь,
Ни гарь
Ребяческих святынь
Не завещать сынам,
За идеалов
Хмарный след,
Что обратился в дым, –
Прощенья нет,
Спасенья нет,
Участья нет,
И счастья нет,

Просвета нет,
И света нет,
И нет покоя
Им...

Dixi.

1985–1988, 1999

Современник тех лет, прочитавший эти странички, – если ты еще жив!

Ты можешь высказать всё, что тебе при этом подумалось, дополнить – зарубками своей памяти, указать автору на его (если обнаружатся) неточности, анахронизмы, aberrации (субъективные оценки – не в счет), наконец – оспорить его правду СВОЕЙ.

Летопись уже сгнувшего поколения, книга последних десятилетий XX века, рубежа миллениумов и начала века нового – еще пишется. Нами. Ушедшими – и уходящими. Пиши!

А пока, уж извини, сегодня: я – гений...

С уважением,

ТВОЙ АВТОР.

1999–2010